

В. РАЙХЕР и М. ГЕССЕН.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ СУД

над злостным неплательщиком
страховых платежей.

ИЗДАНИЕ

Управления Уполномоченного Госстраха
по Сев.-Зап. области.

ЛЕНИНГРАД.

1925 г.

В. ПАХЕРЪ И М. РЕБЕРЪ

Типография имени Володарского, аренд. „Красной Газетой“,
Ленинград, Фонтанка, 57.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- 1) Председатель суда.
  - 2) Два народных заседателя.
  - 3) Секретарь суда.
  - 4) Прокурор.
  - 5) Защитник.
  - 6) Обвиняемый, богатый крестьянин, 45 лет.
  - 7) Агент Госстраха
  - 8) Сельский священник
  - 9) Крестьянка, жена красноар-
мейца, 25 лет.
  - 10) Курьер при суде.
- } Свидетели.
- _____

(На сцене стол, за которым сидят председатель Суда, оба заседателя и секретарь. Слева, за отдельным столом — прокурор, справа — за таким же столом — защитник. Позади стола защитника — скамья, на которой сидит обвиняемый).

_____

DEPARTMENT OF...

1967

THE UNIVERSITY OF...

Председатель. Объявляю заседание Народного Суда открытым. К слушанию назначено дело по обвинению гражданина Прохорова в злостном неплатеже обязательных страховых сборов и в сокрытии имущества от государственного обязательного страхования. *(К обвиняемому)* Обвиняемый, встаньте. *(Обвиняемый встает)* Ваша фамилия?

Обвиняемый. Прохоров.

Председатель. Имя и отчество?

Обвиняемый. Иван Прохорович.

Председатель. Сколько лет?

Обвиняемый. 46-ой пошел.

Председатель. Где родились?

Обвиняемый. Деревни . . . . .

. . . . . волости, ... уезда.

Председатель. Чем занимаетесь?

Обвиняемый. Крестьянствую; землицы малость имею, скотинки -- еле-еле хватает прокормиться.

Председатель. Никаких других заработков не имеете?

Обвиняемый. Видит бог! *(хочет перекреститься на икону, но вспомнив, что иконы нет, поправляется)*... где уж там... какие там доходы! Мало-мало сыт -- и то слава тебе, господи!

Председатель. А лавка вам разве доходов не дает?

Обвиняемый (*оторопев*). Лавка?! А кто вам про нее сказал?

Председатель. Обвиняемый, отвечайте на вопрос.

Обвиняемый. Лавка не моя! Зря на меня поклеп взвели.

Председатель. Чья же лавка?

Обвиняемый. Да моей жены.

Председатель. А она с вами вместе живет?

Обвиняемый. А то как же! Известно — законная!

Председатель. Значит, вы доходами с лавки пользуетесь?

Обвиняемый (*мнется*). Другой раз... бывает...

Председатель. А сами в лавке не торгуете?

Обвиняемый. Да, как сказать... ежели разве, чтобы жене помочь... только для этого... иной раз малость и поторгуюсь.

Председатель. Так. Довольно. Садитесь. (*Курьеру*) Пригласите свидетелей. (*Курьер вводит свидетелей*).

Председатель (*читает по списку фамилии*). Петров, Николай Васильевич, агент Госстраха.

Агент. Здесь.

Председатель. Гражданин Семивоздвиженский, Василий Лукич.

Священник. Я самый, гражданин председатель.

Председатель. Гражданка Трофимова, Настасья Петровна.

Крестьянка. Здесь.

Председатель *(к свидетелям)*. Напоминаю вам, граждане, что вы обязаны показывать на суде все, что знаете по делу, не скрывая от Суда ничего, и говорить только правду. За ложные показания закон строго наказывает.

Крестьянка. А мало ли что ты меня спросишь-то! Може что зазорное — так я на это не согласна!

Председатель. Гражданка, Суд задает только те вопросы, которые нужны для выяснения дела, и свидетели обязаны на них отвечать. Теперь, граждане, пройдите в свидетельскую комнату. Когда вам нужно будет давать показания, Суд вас вызовет. *(Свидетели уходят)*. *(К обвиняемому)*. Гражданин Прохоров! *(Обвиняемый встает)*. Хотя у вас имеется защитник, но и вы сами по закону имеете право давать объяснения Суду по поводу всех обстоятельств дела, а также задавать свидетелям вопросы. Поняли?

Обвиняемый. Понял. *(По знаку председателя садится)*.

Председатель. Объявляю судебное следствие начавшимся. Гражданин Прохоров обвиняется в злостном неплатеже причитающихся с него взносов по обязательному окладному страхованию. Являясь вполне состоятельным, Прохоров, однако, упорно отказывался уплатить страховку, несмотря на неоднократные требования агента Госстраха. Кроме того, гражданин Прохоров обвиняется в сокрытии имущества, подлежащего обязательному страхованию, и в даче ложных показаний о количестве принадлежащих ему строений, скота и пашни — для уменьшения следующих с него платежей по обязательному стра-

хованию. Всего утаено гр. Прохоровым: один сарай, две коровы и три десятины посевов. (*К обвиняемому*). Гражданин Прохоров, признаете ли Вы себя виновным?

Обвиняемый. Не признаю! Оклеветали меня! Страховки не заплатил — потому денег не было; а чтобы скрыл что-либо — один поклеп!

Председатель (*прокурору*). Гражданин прокурор, имеются ли у вас вопросы к обвиняемому?

Прокурор. Скажите, обвиняемый, напоминал вам агент Госстраха о необходимости уплатить страховку?

Обвиняемый. Напоминал.

Прокурор. Почему же вы не платили?

Обвиняемый. Да ведь я же ясно об'ясняю: денег не было!

Прокурор. А когда последний раз агент предлагал вам уплатить?

Обвиняемый. Да точно не помню...

Прокурор. А примерно?

Обвиняемый. Да так... в начале прошлого месяца.

Прокурор. А как же вы 10-го числа прошлого месяца справляли именины, да так справляли, что гости два дня из-за стола не вставали?! На пьянство денег хватило?

Обвиняемый. Да что-ж... много ли выпито было... ведер пять само... (*прикусывает язык*).

Прокурор. Значит, чтобы уплатить страховку — денег не было, а на самогон нашлось?!
Обвиняемый (*виновато молчит*).

Прокурор. А сколько у вас, гражданин Прохоров, коров?

Обвиняемый *(не подумав, гордо)*. Да с пяток наберется!

Прокурор. А застраховали вы только трех! Значит, двух коров утаили?

Обвиняемый *(молчит)*.

Прокурор. Больше у меня пока нет вопросов.

Председатель. Гражданин защитник, есть ли у вас вопросы к обвиняемому?

Защитник. Скажите, гражданин Прохоров, если у вас были деньги, то почему вы не заплатили страховку? Может быть вам в это время деньги на другое нужны были?

Обвиняемый. А чего мне со страховкой торопиться было! Не волк — в лес не убежит? Ежели все платить, так в трубу вылетишь!

Председатель. Зато на скамью подсудимых не прилетишь! *(К прокурору и защитнику)* Больше вопросов к обвиняемому нет? В таком случае Суд приступает к допросу свидетелей. *(Курьеру)* Пригласите свидетеля Петрова.

(Курьер вводит агента Госстраха).

Председатель. Скажите, гражданин Петров, что вам, как агенту Госстраха, известно, по этому делу?

Агент. Да история простая! Я гражданину Прохорову сколько раз говорил: „Плати страховку, не тяни, ты ведь богатый, у тебя денег вдоволь“. А он мне в ответ: „Чего я тебе платить сейчас буду? Если деньги полежат в моем кармане еще с месяц, они мне прибыль принесут. А заплачу я страховку — они для меня пропали“.

Так до сих пор и не уплатил! Мало того, еще потом оказалось, что он скрыл от регистрации часть своих строений, коров и пашни.

Защитник. А вы уверены были, что у гражданина Прохорова деньги были? Может быть ему можно было льготу сделать, меньше страховки взыскать?

Агент. Да у него денег куры не клюют! Льготы же Госстрах действительно делает, да только маломощным и беднейшим крестьянам, а не кулакам да богатыям.

Защитник. Но, может быть, гражданин Прохоров временно не имел денег? Не говорил ли он вам, когда он заплатит?

Агент. Как же, говорил.

Защитник. Видите, это уменьшает несколько его вину! Что же он говорил? Когда обещал заплатить?

Агент. Когда рак свиснет!

Обвиняемый. Не говорил я этого, врет он!

Председатель. Обвиняемый, призываю вас к порядку.

1-й заседатель. А как же это случилось, что Прохоров скрыл имущество от регистрации?

Агент. Когда я к нему пришел, значит, регистрировать, так мне из него каждую постройку, каждую корову — прямо силой вытаскивать надо было! Все старался меньше показать. Так часть и утаил.

Обвиняемый. Я ему все показал, а он записал меньше, а теперь на меня и валит!

Агент. Гражданин Прохоров, ты, братец, отлично знал, за сколько коров ты страховку платил —

за трех или за пятерых. Нечего теперь с большой головы на здоровую валить!

2-й заседатель. А когда же выяснилось, что гражданин Прохоров скрыл часть добра от обязательного страхования?

Агент. А когда у него одна корова пала. Он мне, значит, сообщил. Я и пошел к нему удостовериться в падеже. Да зашел случайно, не предупредив. Гляжу, а у него коров с пол-десятка стоит. Он растерялся, начал было так и этак вертеть, да уж поздно было — коров в карман не спрячешь!

Защитник. Но может быть это не его коровы были? Может быть — соседские?

Агент. Я его и то спрашивал: „Твои, говорю, Прохорыч, коровы?“ — „Нет, говорит, не мои“. „А чьи же?“. „А шут их знает!“. „Так я, говорю, одну заберу себе. Раз, говорю, они вроде как бы с неба упали“. Я это так, значит, ради шутки. А он остервенился, прямо страсть, что тут было! „Я, кричит, свое добро не про тебя годами наживал“.

Прокурор. Значит, вы подтверждаете факт утайки имущества и злостного неплатежа страховки?

Агент. Конечно! И то, и другое!

Председатель. Больше вопросов к свидетелю нет? *(Агенту)* Достаточно. Можете идти *(агент уходит)*.

Председатель *(курьеру)*. Пригласите свидетеля Семивоздвиженского. *(Курьер вводит священника)*.

Председатель. Расскажите, гражданин Семивоздвиженский, что вы знаете по делу гр. Прохорова?

Священник. Да что ж рассказывать! Понапрасну, видит бог, оклеветали человека. Не виновен он ни в чем!

Защитник. Вам известно, почему гражданин Прохоров не платил страховку?

Священник. Денег не было — и не платил! Да что страховку?! Я ему говорю: „Пожертвуй на храм божий“. Так он мне такие крохи дал, что стыдно. „Нет, говорит, у меня денег“. Ну, уж, если на храм не хватило, так что ж тут страховку требовать!

Председатель. Значит, вы считаете страхование менее важным делом?

Священник. А то как же! Что ж страхование от пожара спасти может? Иль от падежа? Да никогда! А богу с верой помолиться — и ничего не будет!

Председатель. Верно! Ничего не будет — ни кола, ни двора после пожара не будет!

1-й заседатель. А вот у вас самого, гражданин Семивоздвиженский, в прошлом году пожар был. Помните, сгорело все до тла. Что же вы себя самого не уберегли верою да молитвою от „красного петуха“? Аль не молились?

Священник *(в смущении)*. Молился.

1-й заседатель. Так как же такая беда то вышла?

Священник. Да что ж... раз на раз не приходится... ошибочка с молитвой вышла.

Председатель. Ну, да вам то хорошо! Дураки еще нашлись: отстроили заново избу. А если другой раз с молитвой ошибочка выйдет, да погорит не поп, а бедняк? На какие такие средства он избу отстроит? Из молитвы?! А если он будет

застрахован, Госстрах ему заплатит за убыток и даст возможность стать на ноги.

Священник. Да так то оно так... что ж... я ничего не говорю...

Прокурор. А на именинах у Прохорова вы были?

Священник. Как же, был! Славные именины были! Ничего плохого не скажешь. И питья, и еды было — сколько угодно. Дьячок наш даже об'елся. Три дня потом валялся.

Прокурор. А вы не спрашивали Прохорова, откуда он денег взял на такой пир?

Священник. А мне какое дело? У меня он в долг не просил.

Прокурор. Значит, на это у него деньги были, а на страховку не было?

Священник *(молчит)*.

Защитник. Может быть гражданин Прохоров взял продукты для празднования в своей лавке?

Священник. Нет! Не могло этого быть! Он для себя из своей лавки ничего не берет: больно тсвар у него неважный, лежалый.

Обвиняемый. Ты, поп, что заговариваться стал! Сам из моей лавки сколько в долг набрал!

Председатель. Обвиняемый, вторично призываю вас к порядку.

Обвиняемый. Что же это в самом деле, гражданин председатель?! Я этого попа в свидетели вызываю, а он мне такие пули отливает!

Председатель. Есть ли еще вопросы к свидетелю? *(Священнику)* Довольно, идите. *(Священник уходит)*.

Председатель *(курьеру)*. Пригласите свидетельницу Трофимову. *(Курьер вводит крестьянку)*.

Председатель (свидетельнице). Трофимова, Настасья?

Крестьянка. Настасья, по батюшке Петровна.

Председатель. Чем занимаетесь?

Крестьянка. По крестьянству работаю, а муж—в городе, в Красной Армии служит.

Председатель. Скажите, гражданка Трофимова, вы знаете, в чем обвиняется гражданин Прохоров?

Крестьянка. Да его сколько ни обвиняй—все мало будет!

Председатель. А за что он сегодня судится—вы знаете?

Крестьянка. Да слыхала я, за страховку будто. Что не платил он!

Прокурор. А как, скажите, Прохоров с достатком? Капитал у него есть?

Крестьянка. У него-то? А как же!

Обвиняемый. Неправда это, граждане судьи, неправда!

Крестьянка. Нет, правда! Я, голубчик, все про тебя выложу.

Прокурор. А откуда у него деньги?

Крестьянка. А он как из лавки к вечеру возвращается, так завсегда большую выручку домой приносит. А деньги все в землю прячет. „За чем, говорит, я буду деньги в сберегательную кассу несть, коли у меня своя земляная касса есть“.

1-й заседатель. А вы, гражданка, сами видели, как он деньги прятал?

Крестьянка. А как же? Мы же соседи! Да и он сам мне говорил. У меня муж, значит, в Красной Армии, вот толстопузый - то этст

и под'езжал: „У меня капитал, говорит, большой припрятан. Тебя озолочу, коли ты мне полное удовольствие окажешь“. Ну, я ему и оказала — так по роже с'ездила, что он ажно свалился!

Обвиняемый. Не верьте, граждане, это она со злости!

Крестьянка. Я правду говорю. Боишься, что жена услышит да отлупит тебя? Так вам, охальникам, и надо!

Защитник. А не брали ли вы, свидетельница, от гражданина Прохорова кольцо в подарок?

Крестьянка. А кто тебе рассказал про это?

Защитник. Кто говорил — не важно, а вы ответьте — брали ли вы от гражданина Прохорова подарки?

Крестьянка. Это тебе Прохоров сам рассказывал? Так что ж он тебе конца то не досказал? Я кольцо, верно, взяла, да его жене и отнесла. „Вот, говорю, твой то мне подарил, а я тебе обратно дарю“. Бросила и ушла! Так она его потом била, била! Она баба здоровая: все горшки об его голову переколотила!

Прокурор. Скажите, гражданка, сколько у Прохорова скотины?

Крестьянка. Да пять коров у него. Я это точно знаю.

Прокурор. А сарай позади избы кому принадлежит?

Крестьянка. Это какой? С новой крышей то?

Прокурор. Этот самый.

Крестьянка. Да Прохорову же и принадлежит. Он в нем завсегда самогон варит.

Председатель. Самогон?! Разве он этим занимается?!

Крестьянка. А как же! Завсегда!

Защитник. А откуда вы это знаете?

Крестьянка. Да мы ж соседи! Проходила я как-то вечером мимо этого сарая. Слышу, там голоса. А дверь малехонько приотворена была, я и заглянула. А там Прохорыч да поп сидят, и аппарат, значит, стоит, а они самогон гонют. Пьяные — распьяные! Целуются да обнимаются.

Защитник. Почему же вы об этом раньше не сообщили?

Крестьянка. Да побоялась я! Думаю, сживет Прохорыч то меня со свету, как узнает, что я про него рассказала. У меня скоро муж из Красной Армии вернется. Вот тогда бы я про все это и рассказала — не забоялась бы!

Председатель. Вы и так могли не бояться: Советская власть не дала бы вас в обиду. А сообщить про самогонщиков надо было. Самогон — это большое зло!

Крестьянка. Да я сама знаю, сколько с него греха-то! Чай, навидалась не мало!

Председатель. Гражданин Прохоров, верно ли, что вы варили самогон?

Обвиняемый. Да никогда! Да чтоб я... да разрази меня...

Председатель. Значит, гражданка Трофимова неправду говорит?

Крестьянка. Эх, ты, бесстыжие твои глаза! Сама же я тебя видела!

Председатель. Обвиняемый, говорите правду. Это может только облегчить наказание.

Обвиняемый. Да что ж.. раз-другой--варил... ко дню именин значиг...

Крестьянка. А именины то он каждый день праздновал! Да и на сторону они с попом продавали.

Прокурор. Я считаю необходимым привлечь граждан Прохорова и Семивоздвиженского к уголовной ответственности за варку и продажу самогона.

Обвиняемый. Это что ж, еще новое дело будет?!

Председатель. Обязательно.

Обвиняемый. Этак я до конца жизни судиться буду?!

Крестьянка. Ничего, не горюй. Хватит времени и в тюрьме посидеть!

Прокурор. А скажите, гражданка, не говорил ли вам Прохоров, почему он, богатый человек, отказывается платить страховку?

Крестьянка. Говорил, сколько раз! „Я, говорит, в это дело не верю: коли погорю—так все равно денег не заплатят“. Я уж тут ругала его, ругала. „Ты, говорю, дурак толстопузый, чего народ смущаешь? Чего врешь-то? А как летом в Малой Покровке пол-деревни погорело, разве ж им денег не заплатили?! Заплатили! Приехал агент—и все до копеечки выложил!“

Защитник. А вы сами застрахованы?

Крестьянка (*гордо*). А как же! Мне муж из города письмо прислал, чтобы, я, значит, заплатила не только что по обязательной страховке полагается, а чтобы и по добровольному еще добавила. Я к нему когда в город ездила, так он мне обстоятельно, значит, про страховку все раз'яснил, какая в ей сила имеется.

Прокурор. Значит, Прохоров отказывался платить?

Крестьянка. Сколько раз к нему агент-то ходил—ни копейки не заплатил.

Председатель. Больше нет вопросов к свидетельнице? (*Крестьянке*) Довольно, гражданка Трофимова, можете идти. (*Крестьянка уходит*).

Председатель. Объявляю судебное следствие законченным. Слово для обвинения предоставляется прокурору.

Прокурор. Граждане судьи, значение государственного страхования—громадно! Всем, ведь, известно, какие огромные убытки причиняют крестьянству пожары, падеж скота и градобития. Я приведу, поэтому, лишь несколько цифр. Например, только за один 1914-ый год в 43-х губерниях Европейской России было 57 тысяч деревенских пожаров, причем сгорело 346 тысяч строений у 148 тысяч погорельцев. Всего в довоенное время погибало от пожаров ежегодно имущества на сумму до 500 миллионов руб. ¹⁾ Вот сколько разрушений причиняет, вот каким страшным врагом нашим является „красный петух“!

Очень много бед приносит крестьянскому хозяйству и падеж скота. Нужно ли говорить, как тяжело крестьянину лишиться лошади, потерять корову!

---

¹⁾ Если местность, где ставится настоящий показательный суд, более или менее сильно пострадала за последние годы от пожаров, падежа скота или градобития, то рекомендуется, наряду с общими цифровыми данными, включить в речь прокурора и сведения об указанных стихийных бедствиях, случившихся в данной местности (селе, волости, уезде или губернии).

Большие убытки приносят и градобития, которые выбивают в СССР ежегодно до 640 тысяч десятин полевых посевов, т. е. 16 миллионов пудов зерна. Какая это огромная цифра, видно из того, что этим количеством хлеба можно было бы прокормить целый год более миллиона человек!

Крестьянину, хозяйство которого пострадало от пожара, падежа скота, или градобития—трудно оправиться. Ведь сбережений у него нет, да и где набрать такие сбережения? На какие же средства может он восстановить свое пострадавшее хозяйство?

Вот тут-то и приходит на помощь государственное страхование! Крестьянину, застрахованному в Госстрахе, выплачивается страховое вознаграждение, на которое он может вновь отстроить сгоревшую избу, приобрести новую корову или лошадь, вместо павшей; купить хлеб, взамен выбитого градом посева.

В одном только 1923/24 г. Госстрах оказал страховую помощь примерно 900-ам тысячам крестьянских хозяйств, выплатив им от 17 до 18 миллионов рублей ¹⁾. Ясно, какую громадную пользу принес он этим крестьянству.

Но это еще не все! Госстрах не только оказывает крестьянскому населению страховую помощь после наступившего бедствия. Он приходит на помощь деревне еще и другим путем. Он заботится об улучшении сельской пожарной охраны, о приобретении пожарных машин и рукавов, о развитии огнестойкого строительства, о борьбе

¹⁾ Соответствующие сведения рекомендуется указать и по отношению к местности, в которой ставится показательный суд.

с заболеваниями скота, о лекарствах и прививках для него и т. д. На все эти дела Госстрах отпускает большие средства.

Но для того, чтобы Госстрах мог оказывать пострадавшим крестьянам нужную страховую помощь, для того, чтобы он мог давать средства для борьбы с „красным петухом“ и для сохранения крестьянского скота от болезней, надо, чтобы и в его кассу деньги за страховку поступали с населения исправно!

И Госстрах, со своей стороны, делает для этого все возможное. Он старается удешевить страхование, сделать его доступным для крестьянства. Теперь крестьянину приходится платить за страховку меньше, чем с него брали в царское время при земском страховании. Кроме того, беднейшая часть крестьянства совсем освобождается Госстрахом от платежа обязательной страховки, а другой части, немного более состоятельной, но все же маломощной—делается крупная скидка. А сам Госстрах и тем, и другим платит полностью всю страховую сумму.

Вот почему государственное сельское страхование — близко и дорого крестьянству, кровно в нем заинтересованному. Вот почему каждый честный и сознательный крестьянин должен и сам оказывать поддержку государственному страхованию, должен во-время, не ожидая напоминаний, вносить следуемые с него страховые платежи. Вот почему неплательщики страховки, а тем более, скрывающие свое имущество от обязательного страхования — приносят огромный вред и самим себе, и всему крестьянству. И особенно вредными являются такие неплательщики, как гражданин

Прохоров — злостные неплательщики! Это, действительно, враги трудового народа! Причины, по которым они не платят страховки — ясны. Об этих причинах рассказывал нам сегодня агент Госстраха, когда он передавал слова гражданина Прохорова, говорившего: „Чего я Госстраху теперь платить буду? Если деньги полежат в моем кармане еще с месяц — они мне прибыль принесут; а заплачу я страховку, — они для меня пропали“.

Граждане судьи, это — рассуждения кулака, которому нипочем крестьянские интересы, для которого — хоть весь мир пропади, лишь бы не ушла копейка из его кармана! Таким кулаком и является гражданин Прохоров! Свидетельские показания выяснили, что в деньгах он не нуждается. Не платя страховку, укрывая имущество от страхования, — он устраивал в то же время пирушки, стоившие громадных денег, он прятал в землю капиталы, наживаемые обманом своих же односельчан!

Поэтому я требую, чтобы обзиняемый понес должное наказание за свои преступные действия. Кроме того, так как показаниями свидетельницы Трофимовой граждане Прохоров и Семивоздвиженский уличаются в изготовлении и продаже самогона, то прошу Суд выделить дело по этому обвинению для особого расследования.

Председатель. Слово предоставляется защитнику обвиняемого.

Защитник. Граждане судьи! Вина гражданина Прохорова велика. Это оспаривать трудно. Я хочу только обратить Ваше внимание на те обстоятельства, которые, думается мне, несколько смягчают его вину.

с заболеваниями скота, о лекарствах и прививках для него и т. д. На все эти дела Госстрах отпускает большие средства.

Но для того, чтобы Госстрах мог оказывать пострадавшим крестьянам нужную страховую помощь, для того, чтобы он мог давать средства для борьбы с „красным петухом“ и для сохранения крестьянского скота от болезней, надо, чтобы и в его кассу деньги за страховку поступали с населения исправно!

И Госстрах, со своей стороны, делает для этого все возможное. Он старается удешевить страхование, сделать его доступным для крестьянства. Теперь крестьянину приходится платить за страховку меньше, чем с него брали в царское время при земском страховании. Кроме того, беднейшая часть крестьянства совсем освобождается Госстрахом от платежа обязательной страховки, а другой части, немного более состоятельной, но все же маломощной—делается крупная скидка. А сам Госстрах и тем, и другим платит полностью всю страховую сумму.

Вот почему государственное сельское страхование — близко и дорого крестьянству, кровно в нем заинтересованному. Вот почему каждый честный и сознательный крестьянин должен и сам оказывать поддержку государственному страхованию, должен во-время, не ожидая напоминаний, вносить следуемые с него страховые платежи. Вот почему неплательщики страховки, а тем более, скрывающие свое имущество от обязательного страхования — приносят огромный вред и самим себе, и всему крестьянству. И особенно вредными являются такие неплательщики, как гражданин

Прохоров — злостные неплательщики! Это, действительно, враги трудового народа! Причины, по которым они не платят страховки — ясны. Об этих причинах рассказывал нам сегодня агент Госстраха, когда он передавал слова гражданина Прохорова, говорившего: „Чего я Госстраху теперь платить буду? Если деньги полежат в моем кармане еще с месяц — они мне прибыль принесут; а заплачу я страховку, — они для меня пропали“.

Граждане судьи, это — рассуждения кулака, которому нипочем крестьянские интересы, для которого — хоть весь мир пропади, лишь бы не ушла копейка из его кармана! Таким кулаком и является гражданин Прохоров! Свидетельские показания выяснили, что в деньгах он не нуждается. Не платя страховку, укрывая имущество от страхования, — он устраивал в то же время пирушки, стоившие громадных денег, он прятал в землю капиталы, наживаемые обманом своих же односельчан!

Поэтому я требую, чтобы обвиняемый понес должное наказание за свои преступные действия. Кроме того, так как показаниями свидетельницы Трофимовой граждане Прохоров и Семивоздвиженский уличаются в изготовлении и продаже самогона, то прошу Суд выделить дело по этому обвинению для особого расследования.

Председатель. Слово предоставляется защитнику обвиняемого.

Защитник. Граждане судьи! Вина гражданина Прохорова велика. Это оспаривать трудно. Я хочу только обратить Ваше внимание на те обстоятельства, которые, думается мне, несколько смягчают его вину.

Еще с давнего времени гражданин Прохоров привык относиться с недоверием к мероприятиям царского правительства, даже если они производились под видом помощи народу. Каждая такая мера имела своей целью не помочь населению, а побольше соков выжать из него! Средства, собиравшиеся с крестьянства, шли на удовлетворение ничемных прихотей правивших классов. Не оставило по себе хорошей памяти и земское страхование. Оно, хотя и было введено как-будто в интересах крестьянства, однако, в действительности строилось в интересах помещиков. Их интересы принимались в расчет в первую очередь, а нужды крестьянства удовлетворялись очень мало.

Земское страхование оказывало помещикам всяческие, зачастую даже незаконные, льготы. Так, например, убытки от пожаров, вызванных народными волнениями, по правилам не подлежали оплате. Однако, когда в 1905 г. многие помещичьи усадьбы погорели от „красного петуха“, пущенного восставшим населением, то земства уплатили погоревшим помещикам из страховых капиталов громадные суммы денег. Вот как расходовались в царское время деньги, собиравшиеся с трудового народа!

Вина гражданина Прохорова в том, что свое недоверие к земскому страхованию, оставшееся у него еще с давних времен, он перенес и на нынешнее государственное страхование!

Вина его в том, что он проглядел ту громадную пропасть, которая разделяет земское и советское страхование! Это последнее, в отличие от земского, действительно создано для помощи крестьянству.

Теперь все деньги, которые с населения собираются в виде страховых платежей, в конце концов возвращаются обратно в деревню — или в виде выплаты за убытки, или в виде помощи деревне в ее борьбе с пожарами и падежом скота.

Но гражданин Прохоров это все проглядел! Поэтому-то он и оттягивал уплату страховых взносов. Поэтому-то он и скрывал имущество от обязательного окладного страхования. Но делал он это не со злым умыслом, а скорее из непонимания. Если бы он больше интересовался всем происходящим, ближе бы знакомился с мероприятиями Советской власти — он понял бы весь смысл и значение государственного страхования!

Нельзя забывать и дурного влияния того общества, которое его окружало. Чего стоит один священник Семивоздвиженский, убеждавший Прохорова в том, что молитва вернее и лучше, чем страхование, оградит его от стихийных бедствий. Таких людей, как гражданин Прохоров, исправит не тюрьма, не денежный штраф, а — просвещение! Знание — наше могучее оружие в борьбе со старыми предрассудками! Книга, газета, изба-читальня — вот что может исправить Прохоровых!

Все эти соображения я и прошу Суд принять во внимание при вынесении приговора.

Прокурор. Прошу слова.

Председатель. Слово предоставляется гражданину прокурору.

Прокурор. Обстоятельства, о которых говорил гражданин защитник, я не считаю смягчающими вину гражданина Прохорова. Советская власть принимает все меры для ознакомления населения со своей деятельностью, для того, чтобы каждый гра-

жданин Союза ССР понимал смысл и значение каждого мероприятия Советской власти.

В частности, для ознакомления с государственным страхованием делалось и делается очень многое. Пишутся статьи в крестьянских газетах, делаются доклады на сходах, выпускаются книжки о страховании, к разъяснению крестьянству пользы государственного страхования привлекаются избытальни, сельские учителя, ветеринары и т. д. И крестьянство все больше и больше проникается доверием к государственному страхованию, так как оно видит на деле его помощь.

И неправ защитник, утверждая, что злостное поведение Прохорова по отношению к государственному страхованию, упорный неплатеж страховки и укрытие имущества объясняется лишь его непониманием, его несознательностью. Граждане судьи! Перед вами достаточно ярко обрисовалась в настоящем деле личность обвиняемого: это далеко не малосознательный простак, каким пытается изобразить его защитник, это — хитрый и пронырливый кулак, эксплуататор, алчущий выгоды и от продажи своим односельчанам гнилого товара, и от спаивания их самогоном, и накапливающий, за счет крестьянских соков, капитал в своей „земляной кассе.“ И „дурное влияние общества“, о котором говорил защитник, также не при чем. Прохоров по себе и подбирает свое „общество!“ Недаром он водил компанию с другими кулаками, недаром его тянуло в сторону попов. „Рыбак рыбака видит издалека!“ Поэтому нет для гражданина Прохорова никаких смягчающих вину обстоятельств и я прошу Суд вынести ему приговор по всей строгости советского правосудия!

Председатель. Гражданин защитник, вы просите слова?

Защитник. Нет, я больше ничего не могу добавить.

Председатель. Последнее слово предоставляется обвиняемому.

Обвиняемый. Не виновен я... Свидетели меня по злобе оговорили... Богатством меня попрекают, а какое мое богатство! Потому и страховки не платил, что денег не было. А имущества я своего от агента не утаивал. Maybe что и скрыл от него, так это без умысла — запомывал. Всего не упомнишь!

А что мне поп много вреда своими рассуждениями принес, так это гражданин защитник верно говорил! Если б я хоть часть тех денег, что ему на церковь передавал, вместо этого внес бы страх-агенту, так я бы этим не только обязательную страховку заплатил, а еще и на добровольное бы осталось. Да и поп меньше бы самогону на пожертвованные деньги выпил. А я не попал бы под суд, на посрамление перед всеми.

А только вины моей нет! Потому, значит, и судить меня не за что.

Председатель. Вы кончили?

Обвиняемый. Да, кончил. Чего там еще тянуть!

Председатель. Суд удаляется на совещание. *(Председатель и оба заседателя уходят; обвиняемый с волнением ожидает приговора, советуется шопотом с защитником; через некоторое время Суд возвращается; все встают).*

Председатель (*Читает, стоя, приговор*).
„Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Народный Суд . . . . . района в составе Председателя Суда . . . . . (фамилия, имя и отчество) . . . и Народных Заседателей . . . . . (фамилия, имя и отчество) . . . при Секретаре . . . . . (фамилия, имя и отчество) . . . , рассмотрев уголовное дело по обвинению Прохорова Ивана Прохоровича, 45 лет, беспартийного, крестьянина деревни . . . . . , ... волости, ... уезда, в злостном неплатеже страховых сборов по обязательному окладному страхованию и в сокрытии своего имущества от означенного страхования, каковые деяния предусмотрены ст.ст. 79, ч. 2 и 80, ч. 2 Уголовного Кодекса РСФСР, нашел, что всеми имеющимися в деле данными, в том числе свидетельскими показаниями агента Госстраха — гражданина Петрова, — и гражданки Трофимовой, неопровержимо устанавливается вина Прохорова: 1) в злостном уклонении от уплаты страховых сборов по обязательному окладному страхованию принадлежащих ему строений, скота и посевов, каковые сборы следуют с него в сумме 10 руб. 5 коп., и 2) в сокрытии от регистрации по обязательному окладному страхованию, — путем ложных показаний агенту Госстраха и с целью уменьшения следуемых с него, Прохорова, страховых платежей, — одного строения (сарая), двух коров и трех десятин посевов. При этом Суд устанавливает, что Прохоров по своему социальному и имущественному положению принадлежит к сельскому кулачеству и является одним из местных богатеев, что, конечно, сильно увеличивает его вину и ответственность за совер-

шенные им преступления против законов о государственном обязательном страховании. Страхование это является опорой крестьянского хозяйства, повседневную защиту его от стихийных бедствий, а потому преступление против государственного страхования есть тем самым преступление против трудового крестьянства, каковыми преступниками и являются все злостные неплательщики страховых сборов, подобные Прохорову.

На основании изложенного, Народный Суд, руководствуясь ст.ст. 79, ч. 2 и 80, ч. 2 Уголовного Кодекса РСФСР, определяет: гр. Прохорова, Ивана Прохоровича, крестьянина деревни . . . . . , . . . волости, . . . уезда, 45 лет, признать виновным в описанных выше преступлениях и приговорить к денежному штрафу в десятикратном размере начисленных страховых платежей, т.-е. в сумме 100 р. 50 к., и к конфискации укрытого от страхования имущества, т.-е. сарая, двух коров, с отображением также трех десятин посевов в запасный земельный фонд для распределения в пользование между местными беднейшими крестьянами.

Дело об изготовлении и продаже гражданами Прохоровым и Семивоздвиженским самогона направить к Народному Следователю для производства расследования.

Объявляю заседание Народного Суда закрытым.